

Виктор Мартьянов¹

ШАНС ДЛЯ РОССИИ: ВЫЙТИ ИЗ ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ

ОТ «ОБЩЕСТВА ПРОГРЕССА» К «ОБЩЕСТВУ БЕЗ УТОПИИ»

Общество потребления глобально, транснационально и космополитично. Любой потребитель — естественный космополит, так как любая нация — всего лишь часть глобальной индустрии и иерархии потребления: патриотизм наций-государств не является значимым фактором в мотивации потребительского выбора. Особенность актуальной ситуации мышления связана с тем, что концепт потребительского общества смог объединить на неполитической основе центр и периферию миросистемы, социальные группы с различными системами ценностей, преодолев постмодернистскую фрагментацию позднего модерна. Проблема заключается в крепости этого союза, его идейной глубине (насколько сильно он нивелирует традиционные границы идеологий и классов) и универсальности (можно ли будет соблазнить им весь не присоединившийся мир как великой целью).

Рост потребностей и ускорение темпов экономического роста, как конечная цель, все менее оправдывают превосходящие трудовые и экологические затраты на реализацию подобного роста — такова аксиома концепции «пределов роста»². Кроме того, ускорение оборота денег не увеличивает общего богатства, только само *количество* денег, увеличение количества событий и их интерпретаций не ведет к увеличению числа *значимых* событий, количество правильных решений автономно от их *реализации*. Виртуализация экономики в конце концов не ведет к росту наличных товаров. Проблема в том, что когда обесценились и исчерпались цели процесса, смыслом наделяется его скорость. Так целерациональная деятельность вырождается в спорт: «идеологические дебаты между левыми и правыми на тему, как

1 Виктор Сергеевич Мартьянов к. полит. наук, ученый секретарь Института философии и права УрО РАН.

2 Медоуз Д. и др. Пределы роста. М., 1991; Римский клуб. М., 1997; Печчеи А. Человеческие качества. М., 1985.

поделить пирог определенного размера, закончились. Внимание переместилось на то, как увеличить размер пирога»³. При этом естественные пределы роста потребления и сама необходимость его увеличения отошли в тень. Ведь рост производства / потребления – трансцендентная идея потребительской экономики, ее сакральное оправдание универсальной ценностью и логикой Модерна – Прогрессом, расширяющим возможности. Непокосимость этой идеи обуславливает всю структуру экономики потребления. Ее делегитимации будет означать крах экономических постулатов общества потребления и ценностей поддерживающей ее политической системы представительной демократии.

Но в этом и состоит ключевая проблема современной демократии, которая, имитируя раз за разом достижение давно достигнутых в действительности целей, сохраняет свой смысл и значимость ровно настолько, насколько ей удастся уклониться от вопроса «что делать дальше?», то есть скрывать ситуацию безраздельного господства демократических и потребительских ценностей «здесь и сейчас» метафорами, заимствованными из капиталистических теорий роста, подменяя свою реализованность интенсификацией. Например, профанизация демократии, как следствие ее глобализации, привела к тому, что из идеала она стала общепринятой в мире формой легитимации политической власти, связанной с опорой на концепт общественного договора, естественные права и волеизъявления гражданского общества. На теоретическом уровне тенденция выражается в эволюции политической транзитологии от идеологического противопоставления тоталитаризма и демократии, Запада и Востока к концепции «качества демократии». Когда вдруг оказывается, что в постбиполярном мире противопоставление чудесным образом снято, а дискредитированный было дискурс транзитологии спасен новой иерархией современных государств как «демократий 1-го, 2-го и 3-го сорта», «гибридных» режимов и т.п. При этом возражение, что «демократии второго сорта» не бывает по определению, остается без ответа. Очевидно, что в условиях релятивизирующего пост-Модерна общество потребления ищет любые возможности, чтобы сделать шаг назад из статуса ставшего в статус становящегося, дабы уклониться от вопроса о своем историческом характере, настаивая на любую реализованную общественно-политическую концепцию. В противном случае, заявление о своей полной реализации является условным сигналом к утопической трансценденции социального порядка. Чтобы избежать подобной ситуации, общество потребления вынуждено подтверждать свою жизнеспособность эффектом «послежития», своего рода повторной ресакрализацией овеществленных ценностей, достигаемой различными путями:

Констатация «неполноты» общества потребления как наличия еще не реализованных ценностей и не охваченных потреблением частей миросистемы и социальных классов, подтверждающих стадию его становления. И дейст-

3 Кортен Д. Иллюзия роста // Вестник Уральского экологического союза. № 9 (74). Екатеринбург. 2001. С. 1.

вительно, согласно отчетам ООН суммарный рост потребления на планете происходит вовсе не за счет роста числа активных потребителей, а путем увеличения разрыва разных этажей в глобальной пирамиде потребления. Так, если рассчитать ВВП на душу населения по паритету покупательной способности (ППС) в 2005 году, приняв США за 100%, то для СНГ цифра составит 22,1% от уровня потребительских возможностей США (Россия — 28,5); Южная Америка 20,2%; Азия — 8,6%; Африка 5,3% и лишь Европа набирает выше 60% от уровня США. Таким образом, разрыв между центром и полупериферией миросистемы по уровням потребительских возможностей составляет 4–5 раз; между центром и периферией — 10–20 раз, что больше, чем когда бы то ни было ранее⁴.

Перевод любых идейных конфликтов и внесистемных вызовов во внутренний план идеологии потребления как патологий и отклонений от универсального канона ценностей современного «человека потребляющего».

Постоянный поиск культурного референта, на котором общество потребления еще только должно реализоваться, своего рода «варварских объектов» на периферии мирэкономике. Правда, подобный поиск в виде теорий транзита и модернизации работает все хуже.

Отождествление непотребительских альтернатив обществу потребления с антинормой, с «проклятой стороной вещей», которая с моральных позиций этого общества предстает социальным злом.

Идеология общества потребления давно стала атрибутом повседневности, автоматическими инстинктами, содержанием самого бессознательного. Реализованность его ценностей, их «овеществление» порождает идейный вакуум, связанный с утратой утопического элемента достижения. И эта данность приводит к вызреванию «проклятой стороны вещей» социального бытия, по принципу «свято место пусто не бывает», взрывающего этот статус-кво утопическими альтернативами изнутри и снаружи, как, например, это делает пост-Модерн в форме «симуляции реальности социальных институтов Модерна»⁵.

Сегодня сложно объективировать общую логику общества потребления, поскольку в случае «прерывания самореференции» (Н. Луман) попадают под вопрос и базовые либерально-экономические ценности, и демократия как универсальные концепты человечества. Находясь внутри этой системы, опасно затронуть общую парадигму системы, помыслить о том, например, так ли уж необходимы и безальтернативны демократия и общество потребления вообще. Поэтому политическое действие протекает в форме перебора вариантов предустановленных самой системой: речь идет не о рынке, а о его вариантах, не о демократии, но о её формах, не о концепции потребления, а о свободе выбора товаров, ассоциируемой со свободой вообще.

4 Результаты международных сопоставлений ВВП по 146 странам и территориям мира по данным за 2005 г., исчисленные и опубликованные Всемирным банком // http://www.gks.ru/bgd/free/bo4_03/IssWWW.exe/Stg/do40/i040070r.htm

5 Иванов Д. В. Виртуализация общества. СПб., 2000. С. 39.

Легитимирующая логика власти воплощена в обществе потребления в логике соблазна, желания. Часто желание маскируется под освобождение. Желание направлено на самопроизвольное снятие сознательных альтернатив решения у подчиненного, перевод механизма власти в подсознание. Объект должен «желать» что угодно, стремиться «быть соблазненным», только тогда им возможно манипулировать, включать как вещь в строй всеобщего материального и символического обмена⁶. Отсюда столь заметна поощряемая тяга людей общества потребления в том числе к различного рода перверсиям, доведению желания к запредельности: чем бы дитя не тешилось, лишь бы тешилось. С другой стороны, именно запредельность оборачивается антижеланием, теряет все заложенные в него системные смыслы, в том числе и властный.

Необходимо отметить, что сам концепт «общество потребления» не предлагает очередной универсальный экономический код для описания состояния пост-Модерна, характерного для постиндустриальных обществ с размытыми социальными границами. Его суть вовсе не в удовлетворении потребностей, но в обозначении идентичности потребляющего. Потребление кристаллизуется как основная постидеологическая модель самоидентификации и социализации высокоурбанизированных обществ. Если ранее самоидентичность выводилась из места в структуре распределения экономического дохода, из социального статуса, то теперь из «стиля жизни». Когда потребление выходит за рамки экономики, оно переключается с удовлетворения потребностей на удовлетворение смыслов, с потребления товаров на потребление идей товаров, когда на смену месту человека в реальной структуре общества, легитимируемому рациональной идеологией Модерна, приходит чистый миф.

Потребление как символическая система становится способом самоидентификации, предъявления идентичности в эпоху стирания социально-экономических и прочих референциальных знаков с тела обывателя. Экономические, национальные, языковые отличия отходят в тень. Политика, экономика, культура превращаются в символический конструктор идентичностей, а выбор осуществляется в присвоении символов выбранной идентичности. Например, партии превратились в системы самопозиционирования избирателей, а выбор между товарами, услугами, партиями – в выбор своей идентичности, основанной уже не на близости некоей группы по социально-экономическому положению, но на сходстве инкорпорированных символов и маркеров, устанавливающих эту самую общность. Отсюда, например, феномен внеидеологичных (популистских) партий, партий – конструкторов политических идентичностей.

Идеология потребительского общества часто отождествляет свободу выбора со свободой воли, то есть свободой как таковой. Но свобода выбора может быть лишь иллюзией свободы вообще. Внутренней свободой воли человек обладает и тогда, когда у него может не быть свободы внешнего выбора. Это может быть моральная позиция, заключающаяся, например,

6 Бодрийяр Ж. Соблазн. М., 2000. С. 84–88.

в отказе выбора из двух зол или состоящая в виде выбора между выбором и невыбором, то есть отказ от этически неприемлемого выбора решения, даже если последнее представляется кому-то единственно возможным и безальтернативным, а отказ от выбора влечет негативные внешние санкции. Общество потребления декларирует цель, которую оно никогда не достигнет, — удовлетворение растущих и множачихся потребностей, все большая часть которых оказывается в сфере престижного, статусного, вторичного потребления. Это потребление символическое, полезность и насыщенность которого весьма условны.

Но людям всегда остается довольствоваться решением лишь части своих запросов, как повседневных, так и символических. Поскольку полное удовлетворение всех потребностей лишает общество потребления целей и смысла существования. Парадоксальным образом, общество потребления может существовать, лишь поддерживая постоянную фрустрацию и неудовлетворенность, связанную с все новыми потребностями. Это обещание психологического комфорта, который никогда не наступит, поскольку он всегда связан с большим уровнем потребления, нежели имеющийся. И если речь все еще идет о свободе, то освобождение связано только с радикальным отказом: потреблять/не потреблять. Речь идет, прежде всего, не о насущных, первичных потребностях, а о феномене престижного потребления, в который постепенно втягивается все общество. Сами профессионалы манипуляцией свободой выбора откровенно предупреждают: «В моей профессии [реклама, PR — *прим. авт.*] никто не желает вам счастья. Ведь счастливые люди — не потребляют»⁷.

При этом преодоление фрустрации путем отказа от лишних запросов влечет выпадение из общества. Поскольку в обществе потребления изгоями становятся не те, кто не производит, а те, кто не потребляет, либо потребляет мало. Люди, потребляющие мало по причине отсутствия средств или сознательно, волей-неволей теряют свой статус и символический капитал в обществе потребления. Взамен они получают относительную свободу от рекламных и мировоззренческих манипуляций, лежащих в основе перманентной возгонки потребления. В обществе потребления люди все больше имеют дело с вещами, товарами, автоматами и все меньше с другими людьми: происходит буквальное овещнение всех человеческих и социальных отношений по классической модели товарного фетишизма К. Маркса, когда и отношения между людьми замещаются в обыденном сознании иллюзорным эрзацем товарно-денежных отношений. Соответственно, из-за нарастающего взаимного отчуждения и опосредования самым дорогим и ценным ресурсом становится все более дефицитное внимание других людей⁸.

Любое потребление представляет собой интимный процесс: каждый потребляет и получает удовольствие от потребления в одиночку. Это влечет изменение социальных скреп общества, когда в оценке человека на первое место выходит его потенциал потребления, становящийся критерием

7 Бегбедер Ф. 99 франков. М., 2002. С. 18.

8 Подр.: Бодрийяр Ж. Общество потребления. Мифы и структуры. М., 2006.

успеха и средством поддержания новых социальных иерархий. Потребление приобретает свойство нормативности как критерий разделения преуспевания и маргинальности. Однако общество потребления все же нельзя назвать менее гуманным, чем например, классово-индустриальное общество Модерна, связанное с потогонной конвейерной эксплуатацией труда⁹. Тем не менее в нем «формируется ситуация, в которой напряжение... охватывает все общество в целом, так как приостановка потребления чревата немедленным экономическим коллапсом»¹⁰.

Проблема заключается в другом: постиндустриальные, потребительские общества в результате технологического прогресса высвобождают все больше рабочих рук. В эпоху автоматизации, компьютеризации и роботизации производственных процессов хрестоматийная система классического капитализма и потогонных конвейеров все более отходит в область истории. Для потребительского общества характерна принципиально новая социальная структура. Если ранее большинство населения развитых стран составляли занятые в сельском хозяйстве и сфере производства товаров, то есть рабочие и крестьяне-фермеры, то сейчас эти сферы обслуживает не более четверти работающего населения. Большинство занятых остается за все более расширяющимся сектором услуг. В результате не занятых и частично занятых в постиндустриальных экономиках становится все больше. И обществу становится все выгоднее содержать их на социальном пособии, обеспечивающем безработных вполне сносной ролью умеренных «пассивных» потребителей, нежели создавать новые дорогостоящие рабочие места. И социальная энергия таких людей технологически нейтрализуется собственными потребностями, поскольку им нечего достигать, не к чему стремиться и просто нечего делать.

Такие авторы, как З. Бауман, вообще пророчат глобальную трансформацию привычной классовой структуры общества, где на смену социальным группам и классам приходят аморфные толпы потребителей, противостоящие «непотребителям». В основе общества потребления лежит жажда желать, а вовсе не удовольствие (и /или удовлетворение) от потребления. И общество потребления порождает невиданный ранее социальный антагонизм, связанный с выделением из этого общества всех не потребляющих: «в обществе, где потребители, а не производители, являются движущей силой экономического процветания... бедняки не представляют ценности и в качестве потребителей: они не купятся на лживую рекламу, у них нет кредитных карточек, они не могут рассчитывать на текущие банковские ссуды, а товары, в которых они более всего нуждаются, приносят торговцам мизерные прибыли или даже не приносят таковых вообще. Не удивительно, что этих людей переклассифицировали в „андеркласс“: они теперь уже не временная аномалия, ожидающая исправления, а класс вне классов, груп-

9 Иноземцев В. «Общество потребления» и «общество производства»: так ли сильно отличаются они друг от друга? // Свободная мысль. 2007. № 12. С. 173–180.

10 Там же. С. 176.

па, находящаяся за пределами «социальной системы», сословие, без которого все остальные чувствовали бы себя лучше и удобнее»¹¹.

В потребительском обществе фактически уже нет привычных социальных групп как основных субъектов политики, а модернистские идеологии и утопии, перестают быть средствами выражения отчетливых социально-классовых интересов. Фактически в условиях системной трансформации популистская, деидеологизированная риторика общества потребления превращается в тот «заполнитель» объясняющих и легитимирующих власть «лакун», которые возникают из радикального расхождения институционального дизайна, практики и официального дискурса элиты, бессильного объяснить новую политическую реальность. До 1960-х годов базовыми теориями транзита поддерживалась версия, что стоит поднапрячься, выйти на правильный путь, создать апробированные институты и развитие остального мира пройдет по исторической колее стран называемых развитыми. У всех один путь, развитие общества потребления есть дело времени. С тех пор прошло полвека. Оказалось, что ресурсы планеты конечны, на всех не хватило. А удвоение и утроение населения в слаборазвитых странах поглотило весь рост национального ВВП и прибавочный продукт там, где он вообще был произведен.

Оказалось, что глобальная трансформация современной индустриальной цивилизации, общества классического Модерна, построенного на ценностях накопления капитала, прогресса и сакрализации труда, влечет серьезные изменения в социальной и интеллектуальной структуре обществ и их идейных представлениях о себе¹². В обществе потребления прогресс начинает зависеть от конструирования все новых целей и потребностей, под которые создаются новые отрасли экономики. Например, в постиндустриальных странах новыми значимыми экономическими целями, значимыми потребностями и отраслями производства является все то, что относится к экологическому дискурсу: чистый воздух, вода, не измененные генетически и не вскормленные химическими удобрениями продукты и т. п. Поскольку только ради новых ценностей люди готовы расширить свои потребности и вполне удовлетворительные стандарты жизни, а значит, усилить двойную мотивацию к труду/потреблению.

РОССИЯ КАК ОБЩЕСТВО ГИПЕРПОТРЕБЛЕНИЯ

В настоящее время равновеликих альтернатив глобальному обществу потребления нет, поскольку альтернативой потребления является лишь самоограничение и некие нематериальные ценности как личного (самореализация,

11 Бауман З. Разве я сторож брату моему? // Индивидуализированное общество. М., 2002. С. 94–96.

12 Подр. о социально-политических трансформациях Модерна: Мартыянов В. Мета-морфозы российского Модерна: выживет ли Россия в глобализирующемся мире? Екатеринбург, 2007.

творчество, достижительность), так и коллективного плана (ограничение «избыточных» личных потребностей во имя долгосрочного общего блага). В любом случае наличие подобного преодолевающего усилия связано с формой некоей аскезы, которая нейтрализует потребительскую мотивацию и многочисленные уловки желаний. Тем более что качество жизни не тождественно растущим материальным потребностям, но включает в себя такие опосредованные возможности, как эффективное участие человека в делах общества, обеспечение его безопасности, образования, рекреации сил и т. д.

Но человек эпохи потребления породил столько ненужных возможностей, материальных потребностей и удовольствия от их удовлетворения, что отказ от них воспринимается чуть ли не как катастрофа. На этом и основан экономический рост, когда экономика заточена под одноразовые и быстро изнашивающиеся товары, которые надо постоянно выкидывать и покупать новые. Умножение потребностей превращается в зависимость от них, которая позволяет манипулировать человеком, обещая все новые возможности и удовольствия, от сетей которых практически невозможно отстраниться. Например, не так давно индуисты развернули массовые акции протеста против компании «Макдональдс», жарившей картофель фри на говяжьем жире священных коров. Корпорация заверила индуистов, что картошка будет жариться только на растительном масле. Продажи тут же вернулись на прежний уровень, продемонстрировав способность общества потребления и глобальных корпораций к эффективной интеграции кого угодно «в диверсифицированный глобальный порядок»¹³.

Следует учитывать, что особенность глобального капитализма, реализуемого в модели общества потребления, как обосновала еще Р. Люксембург¹⁴, заключается в том, что он живет за счет эксплуатации некапиталистического окружения. Капитализм, а шире — индустриальная цивилизация, постоянно разрушает почву, из которой он вырос в результате присущего ему ассиметричного обмена. Многочисленное и трудолюбивое крестьянство, традиционная культура, средневековая этика, природные ископаемые, экологическая среда — это все невозполнимые «ресурсы», из которых капитализм строит свою цивилизацию. Когда, например, дешевые ресурсы рабочей силы исчерпались в европейской и российской деревне, пришла очередь привлечения эмигрантов. Но сегодня все резервы и ресурсы в глобальном плане близки к исчерпанию, а модель общества потребления остается в лучшем случае уделом четверти мирового населения. Поэтому необходимо менять как саму логику развития, базирующуюся на эксплуатации невозполнимого, так и цели развития, связанные с ростом потребления.

Однако российское общество не склонно дискутировать о долгосрочных перспективах, отдача от которых не очевидна «здесь и сейчас», а, возможно, будет оценена в полной мере лишь будущими поколениями. Горизонт прогнозов очерчен, как правило, 2020 годом, а возможные вариации вписыва-

13 Жижек С. Право на истину // 13 опытов о Ленине. М., 2003. С. 24–25.

14 Люксембург Р. Накопление капитала. В 2-х т. М. 1934. (5 изд.) Т. 1. С. 228–258.

ются в механическую проекцию на будущее актуального общества потребления¹⁵. Таким образом, можно утверждать, что общие координаты выбора ближайшего будущего российскими элитами, экспертами и населением уже определены. К сожалению, современная Россия на рубеже XX-XXI веков сделала фундаментальный выбор своего будущего в пользу общества потребления, присоединившись к глобальному миру. Власть и политическая система после 1991 года были сформированы теми, кто разделяет ценности и практики общества потребления, а соблазненных им оказалось большинство. Россия в качестве основной ценности выбрала потребление и его рост. Собственно на этом выборы будущего в России закончились. Люди, которые возглавляют общество потребления, ставят краткосрочные задачи от выборов к выборам, а не на всю жизнь, с учетом перспектив и интересов будущих поколений. И близорукий популизм хлеба и зрелищ переигрывает необходимость решать долгосрочные и инфраструктурные задачи.

При этом возникает закономерный парадокс: чем лучше живут в среднем граждане России, тем субъективно хуже они оценивают свое материальное положение. Рост возможностей потребления влечет эскалацию роста неудовлетворенности. Согласно опросу ВЦИОМ от 5–6 апреля 2008 года больше всего россиянам сегодня не достает материального достатка, такова самооценка 71% опрошенных во всех возрастных группах. Причем в «бедном» 1994 году доля материально неудовлетворенных составляла 54%, а в постдефолтном 1999 году — 67%¹⁶.

Таким образом, если уже в позднем СССР начали оформляться черты общества потребления, а трансформация от СССР к России во многом провоцировалась наивными потребительскими ожиданиями, то в актуальной России сложилось своеобразное общество с идеологией гиперпотребления. В результате «революции потребительских притязаний» сегодня страна живет не производством товаров, а продажей своих природных ресурсов на внутренних и внешних рынках. Капитал, получаемый в сфере добычи невозможных ресурсов, почти полностью минуя инфраструктуру отечественной промышленности, напрямую тратится на конечное потребление населения, распределяясь на постоянно растущий импорт товаров и повышение зарплат и пенсий, обгоняющее рост реальной производительности труда. Деньги тратятся не на инвестиции, повышение конкурентоспособности, расширение рынков сбыта и инфраструктурную модернизацию производства, а на потребление. Поэтому стагнируют показатели производства в сферах, не связанных напрямую с потреблением, и наоборот, потребительский сектор разбухает на глазах — производство и сборка иностранных автомобилей, пищевая промышленность, торговые сети, сфера услуг и раз-

15 Введение в будущее. Мир в 2020 году. М., 2006; Мир вокруг России: 2017. Контуры недалекого будущего. М., 2007; Россия и мир в 2020 году. М., 2005; Мировая экономика: прогноз до 2020 года. М., 2007; Коалиции для будущего. Стратегии развития России. М., 2007 и др.

16 Пресс-выпуск ВЦИОМ № 927 от 09.04.08 г. // <http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/9970.html>

влечений: «В результате мы имеем восстановление советских уровней добычи полезных ископаемых (при неизмеримо более высоких ценах на них) и средоточение роста в сфере коммуникаций и связи (в 1999–2007 гг. ее валовый продукт вырос с 102 млрд до почти 1 трлн руб., или в 10 раз), предоставлении финансовых услуг (рост за те же годы в 6,7 раза), оптовой и розничной торговле (в 4,3 раза) и строительстве (в 2,1 раза) ... Неспособность экономики удовлетворить спрос на сложные технологические товары, автомобили, бытовую технику и даже продукты питания обуславливает рост импорта... Импорт новых зарубежных автомобилей (чья средняя цена в 3,1 раза выше отечественных) превысил объем реализации российских машин, а доля импортных поставок в потреблении ряда продовольственных товаров достигает 65%...»¹⁷

В результате, как подтверждает другой известный экономист «...экономический рост страны в существенной мере опирается не на внутренние источники, а на сложившуюся внешнеэкономическую конъюнктуру, прежде всего, сырой нефти, природного газа и металлопродукции первых переделов. Одновременно наблюдаются довольно устойчивые тенденции ухудшения качественных показателей роста. В этой связи нынешний экономический рост не может быть признан ни устойчивым, ни перспективным для России. Это „рост без развития“, при котором страна остается с примитивной сырьевой экономикой, с низкотехнологичной индустрией, неэффективным для современных динамичных условий государственным аппаратом»¹⁸.

Общество потребления сегодня трактуется в России как естественная альтернатива, которая пришла на смену модели традиционного общества, не имевшего самоцели бесконечного накопления впрок и постоянного расширения потребностей. Но таким ли желательным вариантом российского будущего является настоящее постиндустриального мира? И столь ли заманчива перспектива рано или поздно присоединиться к «цивилизованному периметру», эксплуатирующему глобальную периферию? Представляется, что это ложная цель. Технологический потолок нынешней цивилизации и истощение невозобновляемых ресурсов Земли требуют поиска выходов из общества потребления или его серьезной коррекции. Проблема в том, что прогрессистской идеологией потребительского общества волей-неволей проникнуто большинство населения, и вывести из нее на альтернативные пути может лишь внешний фактор — экономический кризис, некая природная катастрофа или исчерпание ресурсов — поскольку массовое сознательное самоограничение или целенаправленное изменение принципов производства и образа жизни представить трудно.

Тем временем радикальные экологи из организаций типа «Гринпис» все активнее обосновывают спорный тезис, согласно которому сохранить нынешний критический уровень глобальных выбросов и потребления

17 Иноземцев В. «Путиномика» роста // *BisnessWeek* от 22.10.07. С. 64.

18 Гринберг Р. Безальтернативное средство модернизации // *Стратегия России*. 2007. № 8.

невозобновляемых ресурсов можно лишь путем замедления индустриализации стран третьего мира. Мир пугают картиной Китая, который скоро пересядет с велосипедов на машины, сотнями миллионов новых потребителей с повышенными запросами, появляющихся в растущих мировых экономиках (Китай, Индия, Бразилия, Россия). Но сохранение статус-кво фактически означает неразвитие третьего мира и сохранение положения, когда средний американец будет потреблять энергии и ресурсов, а производить отходов в десятки раз больше, чем средний житель периферии мироэкономики. При этом контролеры экологического дискурса всеми силами не допускают обсуждения другого самоочевидного варианта: снижения уровня отходов и потребления в развитых странах. Вместо этого в росте производства, потребления, отходов отказывается по экологическим предложениям стран периферии, чей нынешний путь просто повторяет путь постиндустриальных стран полувековой давности. К растущим экономикам фактически применяются актуальные требования и стандарты постиндустриального мира, что ставит их в заведомо неравное и несправедливое положение.

Поэтому уместным было бы обратить внимание и на собственный исторический опыт. В XX веке России однажды уже удалось предложить миру довольно успешный вариант непотребительского и некапиталистического общества. После Первой мировой войны, голода и разрухи производственный уровень Российской империи 1913 года был достигнут Советской Россией в 1927 году, то есть примерно за семь лет после окончания Гражданской войны. Уровень 1990 года, момента распада СССР, после 17 лет жизни в обществе потребления до сих пор не превзойден. Вот сравнительная статистика ряда ключевых базовых показателей РСФСР 1990 года и нынешней России¹⁹ (табл. 1).

За весь постсоветский период страна не совершила ни одного технологического прорыва, не построено с нуля ни одного масштабного производства. И люди вовсе не стали в среднем производить и потреблять больше на душу населения. Все как раз наоборот. *Рекорды побиты лишь в перераспределении общего объема потребления между социальными группами, стоящими на разных ступенях социальной лестницы, в увеличивающемся разрыве доходов и возможностей богатых и бедных.* Децильный коэффициент – разница доходов 10% наиболее богатых и 10% наиболее бедных в России – по данным экспертов ООН составил в 2002 г. соотношение 23:1, а по официальной статистике Росстата соотношение достигает 16:1 (данные за 2006 г.). Это самая радикальная дифференциация доходов и возможностей среди всех обществ в Европе и СНГ. Для сравнения, например, во Франции данный разрыв социальных полюсов составляет 9:1, в Чехии 5,2:1, в Японии 4,5:1²⁰.

19 При составлении сводной статистической таблицы использованы: Россия-2006. Статистический справочник. Росстат. М., 2006; Российский статистический ежегодник. 2005. Росстат. М., 2006; Белая книга. Экономические реформы в России. 1991–2001. М., 2002; Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики России: <http://www.gks.ru/wps/portal>.

20 Быкова С. Знак неравенства // Поиск. № 16 (986) от 18.04.2008. С. 17.

Таблица 1

Показатель	РСФСР 1990 г.	Россия 2007 г.
Демография		
Население	148,3 млн чел.	142,0 млн чел.
Число родившихся	1,98 млн чел.	1,47 млн чел.
Число умерших	1,65 млн чел.	1,91 млн чел.
Естественный прирост населения	340 тыс. чел.	–440 тыс. чел.
Ожидаемая средняя продолжительность жизни	69,2 лет	66,6 лет
Производство		
Построено жилых домов	62,1 млн м ²	60,3 млн м ²
Добыча нефти	550 млн т	491 млн т
Поголовье крупного рогатого скота	57 млн голов	21,5 млн голов
Урожай зерновых	117 млн т	81,8 млн т
Производство молока	55,7 млн тонн	32,2 млн тонн
Производство яиц	47 млрд штук	37,8 млрд штук
Общий тираж книг и брошюр	1550 млн экз.	686 млн экз. (2004 г.)
Потребление и услуги		
Среднедушевое потребление рыбы и рыбопродуктов	21,3 кг	11,9 кг (2004 г.)
Среднедушевое потребление мяса и мясопродуктов	69 кг	49 кг (2004 г.)
Среднедушевое потребление молока и молочных продуктов	396 л	233 л (2004 г.)
Объем продаж табачных изделий на душу населения	1,7 тыс. шт.	2,6 тыс. шт. (2004 г.)
Объем продаж абсолютного алкоголя на душу населения	5,4 л	9,54 л (2004 г.)
Пассажиरोоборот ж/д транспорта (пассажиры-километров)	274,4 млрд	178,2 млрд (2006 г.)
Посещаемость театров	55 млн чел.	28,2 млн чел. (2005 г.)

Параллельно в структуре российского товарооборота доля импорта возросла с 14% в 1991 году до 46% в 2006 году. Страна все больше зависит от глобальной торговли, почти половина потребляемого внутри страны продукта произведена за границей. На данном фоне все более популярная имперская риторика самодостаточности и независимости России, полезности экономической закрытости и автаркичности выглядит несколько наивно²¹.

Разрыв реальных возможностей разных слоев и уровней потребления сделал российское общество гиперпотребления более несправедливым, чем раньше. А «прощальное» заявления В. Путина о том, что «сегодня мы уже полностью восстановили и утраченный за 90-е годы уровень социально-экономического развития, что реальные доходы граждан превысили дореформенные показатели»²², представляется сомнительным в свете реальных цифр производства и потребления в расчете на конкретного человека. Россия сегодня *не превзошла* наивысшие показатели развития советского периода, а победительная риторика, как показывает статистика, несостоятельна. Показатели приближаются к исторически наивысшим лишь в строительстве и добыче полезных ископаемых, заметно отставая в таких областях, как сельское хозяйство, легкая и тяжелая промышленность, высокие технологии. Соответственно, объемы среднедушевого потребления основных видов продуктов и услуг российского *бездефицитного общества гиперпотребления* на самом деле значительно уступают показателям советского периода, за исключением алкоголя и табака.

Потребительская революция образованного и индивидуалистичного городского населения, переориентировавшая ценности с аскетичных коммунистических идеалов на вполне земную «колбасу» и прочие материальные символы идеологии потребления, оказалась де-факто несостоятельной. Реальное потребление среднего человека в сравнении с позднесоветским обществом вовсе не возросло! Если что и возросло, то, скорее, доступность товаров и разнообразие товарных брендов, но не объемы реального конечного потребления. Более того, в российском обществе богатые все богатеют, а бедные беднеют, разрыв полюсов растет, а искомый всеми обществоведами средний класс представляет в России, скорее, условную идеологическую категорию, как то, чего не может не быть в современном демократическом обществе, нежели значимую статистически социальную реальность²³.

21 См.: Паршев А. П. Почему Россия не Америка. Книга для тех, кто остается здесь. М., 2000; Юрьев М. Третья империя. Россия, которая должна быть. М., 2007; Панарин А. С. Искушение глобализмом. М., 2002; Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. В 2-х т. М., 2001 и др.

22 Выступление В. Путина на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года» от 08.02. 2008 г. // http://www.kremlin.ru/appears/2008/02/08/1542_type63374type63378type82634_159528.shtml

23 Шанкина А. Ю. Средний класс в России: охота на Несси // ПОЛИС. 2003. №1.

СМЕНИТЬ КРИТЕРИИ РАЗВИТИЯ

Наиболее объективным среди существующих индексов развития общества и качества жизни в нем представляется «Индекс человеческого развития» (ИЧР), ориентированный на такие статистические параметры, как уровень грамотности и образования граждан, ВВП на душу населения, ожидаемая продолжительность жизни. В 1990 году СССР по «Индексу человеческого развития» занимал 25 место из 130 стран мира, находясь в группе стран с высоким уровнем развития ИЧР. В 2006 году, несмотря на почти «удвоенный ВВП», Россия опустилась уже на 65 позицию. Португалия, которую одно время ставилось целью догнать по ВВП на душу населения, занимает «недосягаемую» 28 позицию рейтинга.

Стоят ли мифические и абстрактные для большинства населения политические свободы и потенциальные возможности потребления, которыми большинство все равно не сумеет воспользоваться, такого «развития», обрачивающегося падением общего человеческого потенциала страны? Сможет ли Россия в XXI веке перестать вариться в собственном соку, копировать чужие образцы и предложить миру новый образ будущего, более привлекательный, чем слишком многих не устраивающее настоящее глобального мира? В этом настоящем каждое государство и отдельный человек хотят откусить побольше от глобального пирога потребления, и в этом видится и смысл жизни, и основной критерий успеха. Но мало кто замечает, что пирог этот давно не растет, а усыхает, и качество его ухудшается. Например, согласно подсчетам экономистов исторически наивысший уровень покупательной способности средних зарплат американцев был пройден после мирового нефтяного кризиса 1974–1975 годов, инициировавшего экономическую рецессию. С тех пор реальные доходы в стране росли только у богатых и представителей верхушки среднего класса, преимущественно имеющих высшее образование и занятых интеллектуальным трудом²⁴. И, несмотря на номинальный рост доходов и национального ВВП, способность купить некие блага у среднестатистических граждан США, как и везде в мире, лишь снижается. Уровень покупательной способности зарплат россиян также с лихвой съедается инфляцией и ростом цен. Более того, рост доходов россиян давно опережает рост производительности труда, раскручивая инфляцию. Например, усредненный рост цен на основные категории продовольственных товаров (основная статья расходов большинства населения России) составил в марте 2007—марте 2008 года 26,9%, в то время как рост доходов на душу населения за вычетом официальной инфляции (в марте 2007—марте 2008 гг. — 14%) составил лишь около 9,6%²⁵.

Ресурсы стремительно беднеющей биосферы становятся все дороже.

24 Подр. Иноземцев В. Л. Имущественное расслоение в постиндустриальном обществе // Расколота цивилизация. М., 1999.

25 Информация о социально-экономическом положении России: январь—март 2008 г. Официальный сайт Росстата // <http://www.gks.ru>

В мире за последние 3 года набирает темпы так называемая агфляция — стремительное удорожание сельскохозяйственной продукции: «цена зерновых выросла на 181% — почти в 3 раза. А так как зерновые — база всего сельского хозяйства, все остальное продовольствие тоже подорожало почти в 2 раза. Мир на пороге голодного обморока и войн за еду. Не войны, но конфликты уже происходят: Египет, Гаити, Марокко, Индонезия, Йемен, Сенегал, Камерун — список стран, где вспыхнули голодные бунты, порой кровавые, обновляется еженедельно... Мировые запасы зерна сократились с 37% до 17% годового потребления — проще говоря, сейчас „страховочных“ хлеба и риса в мировых кладовых запасено всего на 62 дня вперед»²⁶. Впрочем, для ряда стран, специализирующихся на экспорте продовольствия, таких как Аргентина, Бразилия, отчасти Украина, ситуация является выгодной, как и для мирового сельского хозяйства в целом, чья рентабельность резко увеличится.

Приведем исторический пример. В России в 16–18 веках черная икра стоила дешевле, чем осетры, из которой она добывалась. В начале 20 века в российских реках еще ловились осетр, стерлядь, кета, мерлуза. Сейчас такую рыбу можно заказать только в хорошем ресторане или посмотреть на нее в энциклопедии. Все эти рыбы в естественной среде практически выловлены и вытеснены породами, считавшимися ранее сорными — щукой, селедкой, воблой, минтаем, карасем. Возможно, к концу 21 века придется довольствоваться плохой пищевой синтетикой со вкусом всего перечисленного выше. И причины очевидны: если в начале 17 века на территории нынешней России жило около 8 миллионов человек, то сейчас на той же территории — 145 миллионов. Население возросло в 18 раз, а естественная продуктивность биосферы не меняется, даже если ее подстегивать современными технологиями, удобрениями и генетически измененными видами. Но потреблять хочется все больше. Таков целевой императив. Но больше — не значит лучше, так как большее потребление одних регионов мира оборачивается, как правило, снижением возможностей потребления для других, находящихся на грани массового голода. Например, один из факторов глобального увеличения продовольственных цен состоит в выгоде выработки биотоплива (этанола) из кукурузы при высоких ценах на нефть. В результате богатая Европа готова довести в ближайшие годы объем этанола с 2 до 10% в своей структуре потребления топлива, а вот в Африке, Азии и на Ближнем Востоке в силу этого люди просто не смогут купить подорожавшую еду, идущую на изготовление этого топлива.

Глобальные пределы роста численности населения, соответствующие современным технологиям и резервам, согласно имеющимся техническим моделям, впервые в глобальном разрезе представленным на заседаниях Римского клуба, во многом исчерпаны²⁷. Прежде всего, в густонаселенных бедных странах. Нынешняя численность населения планеты давно поддержи-

26 Баунов А., Иванов И., Прокопьев И. Жертвы голодомира // Русский Newsweek. № 17 (191) от 21–27 апреля 2008 г.

27 Медоуз Д., Рандерс Й., Медоуз Д. Пределы роста. М., 2007.

вается с помощью все возрастающей траты конечных источников энергии и экологической деградации биосферы Земли.

Поддержать рост населения без ущерба качеству жизни можно лишь с появлением принципиально новых технологий и ресурсов, либо путем ограничения роста appetитов общества потребления и количества потребностей его членов. Иначе придется смириться с глобальным падением уровня жизни. Рожать в данной ситуации больше детей — значит обрекать их на худшие условия жизни, чем у родителей. Поскольку ограниченность нынешних технологий и ресурсов планеты при демографическом росте приводит к сокращению уровня потребления, ухудшению условий жизни, снижению доходов и возможностей людей обеспечить себе достойное существование. Поэтому стабилизация численности населения Земли в настоящее время является безусловным благом.

Вся человеческая цивилизация эпохи потребления работает на износ биосферы, на истощение природы. Люди бессмысленно тратят отнюдь не бесконечный капитал Земли. Отходы производства, их переработка, восстановление взятых у природы ресурсов (лес, вода, нефть, кислород), загрязнение окружающей среды просто не учитываются в балансе прибылей и расходов. По разным подсчетам на 1 рубль полезного продукта производится 2–3 рубля не переработанных и не утилизированных отходов производства и загрязнений. Все зависит от того, как посчитать прибыль. Например, простой перевод отечественного автомобилестроения и производителей топлива с экологического стандарта евро-2 на евро-5 просто ставит крест на отечественном автопроме, чья продукция даже с дешевыми экологическими стандартами интересует россиян все меньше.

Все эти не калькулируемые расходы и отходы отечественный производитель (как и многие в третьем мире), в отличие от европейского, не оплачивает, они идут в общую нагрузку на воздух, воду, землю, здоровье людей. Лежат в виде расширяющихся свалок, текут отравленными реками. Но рано или поздно экосфера предъявит счета к оплате, она уже это делает. И планета все более напоминает мешок муки, в котором завелись мучные черви, насмерть отравляющие друг друга отходами своей жизнедеятельности задолго до того, как мука закончится²⁸. И стоит ли радоваться тому, что Россия располагает большими ресурсами на душу населения, чем прочие страны? Ведь это не более чем отсрочка неизбежного и общего для всех финала, если не изменится общая телеология общества потребления.

Но общество потребления живет сегодняшним днем. Его идеология — на наш век хватит. Открываются и эксплуатируются все более труднодоступные месторождения, весь мир, кроме периметра избранных стран, уверенно превращается в глобальную помойку. Но это не более чем цепочка отсрочек от апокалипсиса, в принципе ничего не меняющая. И выбор исторической развилки у страны появится только тогда, когда закончится нынешнее соревнование популистских моделей общества потребления, связанное

²⁸ Пример взят из: Леви-Стросс К. Печальные тропики. М., 1999.

с глобальным распределением того, кому и сколько дозволено потребить, в зависимости от положения в центре или на периферии мироэкономики.

Представляется, что сегодня формирование нового непотребительского общества возможно только через отказ от массы ненужных потребностей и возможностей, которые суть зависимости человека общества потребления, через которые им манипулируют. Например, что выгоднее в долгосрочной перспективе — поголовная автомобилизация мегаполиса или разветвленное и легкодоступное метро? Производителям машин и бензина — безусловно, первое. А людям, которые сидят в вечных пробках в железных коробочках, отравляя друг друга газовыми выхлопами? У них даже не возникает чувства, что их элементарно «кинули», что можно решить проблему сообща, а не прятаться от испорченной экологии мегаполиса каждый в свою коробочку и втайне даже гордясь тем, что у многих ее нет. Более того, большинство населения планеты никогда и ни при каких условиях (исключая чудо) не будут жить с таким уровнем потребления ресурсов и производства отходов, как у США, поскольку, если эти стандарты потребления распространить на все население планеты, то апокалипсис начнется уже сегодня.

В начале XXI века в результате постепенного выхода России из исторической «реанимации» со всей возможной остротой встал вопрос о ее будущем. Российское общество преодолело внутренний шок трансформации, а его обновленные институты и практики стали воспроизводиться по новым предсказуемым алгоритмам. В результате в последние годы можно наблюдать всплеск интереса к жанру прогнозов, утопий и антиутопий, альтернативной истории, фантастическим и научным сценариям будущего. Всему тому, что не имело смысла во времена больших перемен. Даже бюджетные планы в стране стали составляться на три года вперед — срок, на который в своих прогнозах не отваживались заглядывать в 1990-е годы даже общественные науки. Стабилизация всех общественных структур неизбежно ставит проблему закономерностей дальнейшего развития российского общества, пережившего необратимый переход. Куда идем, для чего живем, на что надеяться? Возобладала мысль о том, что России просто следует бороться за верхние места в глобальной иерархии возможностей потребления, занимаемые ныне странами, входящими в ядро постиндустриальной экономики. Но стоит ли играть по этим правилам, пристраиваясь к длинной очереди в общий тупик? Тем более что они ведут человечество к безрадостному концу, когда проиграют все.

Наоборот, преимуществом России является то, что она в эту очередь полностью не встроена, а значит может поискать глобальные альтернативные пути, прежде чем тупик станет очевидным для всех. Современная Россия постепенно переходит от стратегий вынужденных, подражательных модернизаций, связанных с внешними вызовами и отсрочками очередного кризиса или дефолта, к необходимости выработки проективных изменений, основанных на собственных целях и потребностях.

И тут возникает проблема, состоящая в том, что разные слои общества видят разные цели и стратегии по поводу общего будущего. Более того,

в настоящее время в российском обществе наметился явный кризис стратегических целей развития страны, при почти полностью достигнутых элитами тактических и прагматических целях стабилизации общества. Сегодня главный вопрос для федеральной власти уже не выплаты долгов по зарплатам бюджетников, обременительный внешний долг или борьба с сепаратизмом, но проблема «что делать дальше»? И следует признать, что внятной и легитимной стратегии на будущее у Кремля просто нет, не считая технических задач вроде уже всеми позабытого удвоения ВВП в 2010 году, стремления догнать по среднедушевым доходам Португалию к 2015 году или новой цели построить «инновационную экономику» к 2020 году²⁹.

Более того, элиты и основные общественные силы в современной России апеллируют преимущественно к прошлому и настоящему, избегая легитимации будущего. В результате, ориентируясь на консервацию статус-кво, на сиюминутные потребности, они практически отрицают социальное экспериментирование и любые целенаправленные перемены. Соответственно получается, что будущее, которое нас ждет, это всего лишь настоящее, постепенно освобождаемое от присущих ему недостатков различным «мелким ремонтом» типа периодического повышения зарплат и пенсий и наказания тех, «кто кое-где у нас порой» саботирует властные решения.

И все же реальная политика создает будущее в настоящем. Поэтому истинно политическую мысль интересует прежде всего то, что должно быть, а не то, что «уже есть». Поэтому сегодня в России наиболее эффективные и последовательные попытки выработки оснований будущего осуществляются не столько в рамках привычных политических учений Модерна (либеральные, консервативные, социал-демократические проекты), сколько посредством разного рода описательных проектов, где техническая убедительность предполагаемых перемен и опора на «истинную» нефальсифицированную «историю», «динамический консерватизм», «креативные технологии» или «традицию» призвана залатать мировоззренческие дыры нового общества³⁰. С другой стороны еще более бесперспективны экскурсы в чужую историю и параллельную современность других государств. Хотя само по себе сравнение с «другим» полезно, так как только оно может дать более объективное представление о себе. Все эти экскурсы в историю, культуру и географию бессмысленны в оценке того, чем является Россия «здесь и сейчас», а тем более, какой Россия «должна быть». Это вопрос о будущем, которое в своей сущности «иное», нежели все, что было до него. Будущее нельзя почерпнуть в прошлом, как обычную механическую проекцию, все футурологические проекты подобного рода потерпели поражение.

29 Выступление В. Путина на заседании Госсовета РФ от 08.02. 2008 г. // <http://www.edinros.ru/news.html?id=127560>; Речь Президента РФ Д. Медведева на V Красноярском экономическом форуме от 15.02.2008 г. // <http://www.edinros.ru/news.html?id=127810>.

30 Проект Россия. М., 2007; Русская доктрина. М., 2008; Воины креатива. Главная книга 2008–2012. М., 2008. и др.

Наконец, было бы ошибкой искать причины и смыслы исторических общественных изменений во внешних формах организации общества: что лучше – парламентская или президентская республика, монархия или прямая демократия унитарное государство, федерация или конфедерация; одно- двух- или многопартийность; выборы по одномандатным округам или по партийным спискам; самостоятельная «цивилизация» или подчинение мировым историческим закономерностям и т. п. Взятые сами по себе эти надстроечные политические формы не образуют самодовлеющей логики развития, которая объясняет причины общественных изменений, того, почему выбор был сделан в пользу того или иного варианта. Это лишь продолжения и институциональные фиксации более фундаментальных культурных, исторических, экономических процессов и изменений.

ОБЩЕСТВО БУДУЩЕГО – ОБЩЕСТВО АСКЕЗЫ?

И в аграрную, и в индустриальную эпохи человечество жило строго ограниченными, естественными потребностями. Соответственно, экономика, базировавшаяся на аграрных циклах и представлениях физиократов о том, что конечным источником богатств является природа (пашня, лес, водоемы), занималась их удовлетворением. Эти потребности и способы их удовлетворения мало изменялись в историческом времени и как всякие естественные потребности не нуждались в рекламе, поскольку люди и общество нуждались в них на самом деле, а если они о них забывали, данные потребности о себе повелительно напоминали.

В настоящее время общество потребления, умножая потребности, развивает экономику фиктивных товаров, предназначенных для удовлетворения несуществующих потребностей. Причем, по подсчетам П. Мостового, доля таких товаров доходит до 70% всего товаропроизводства, а в сфере услуг доля фиктивности еще выше³¹. Это потребности, о которых человек не подозревает, до тех пор пока общепринятые стандарты потребления, реклама и общественное мнение не убедят его в обратном: биодобавки, чудо-лекарства, индустрия моды и омолаживающей косметики, электроника с множественными функциями, которыми 99% потребителей не пользуются и т. д. Поэтому модель общества потребления при всей своей субъективной рациональности напоминает глобальный индийский потлач, соревнование в потреблении, которое оборачивается постоянным уничтожением немодных вещей и покупке новых, обеспечивающих те же потребности: плоские телевизоры вместо обычных, телефоны с фотокамерами вместо просто «телефонов», диски вместо пластинок и кассет и т. д. Потребление превращается в саморазвращающуюся цепную реакцию, где остановка потребе-

31 Мостовой П. Есть ли будущее у общества потребления? (лекция) // <http://www.polit.ru/lectures/2005/12/01/mostovoi.html>

ния оборачивается коллапсом и катастрофой. Для отсрочки перепроизводства требуется потреблять все больше. Потреблять, нельзя остановиться.

Варианты трансформации общества потребления связаны с двумя возможными стратегиями — идеалистической, основанной на сознательной коррекции общественных моделей и ценностей, и вынужденной — связанной с вмешательством внешних для человечества регулирующих факторов катастрофического порядка. Первая альтернатива связана с сознательным изменением принципов потребления: актуализация в обществе не-материальных ценностей — «не хлебом единым»; сокращение престижного потребления с помощью налоговых и иных регулирующих мер; минимизация сектора фиктивных товаров; пересмотр принципов экономического роста: изменение схемы периодической накачки экономики кредитами под еще несуществующие товары и услуги, что закономерно приводит к ее периодическому обвалу, связанному с перепроизводством; запрет рекламы; изменение общественных ценностей, ориентированное на приоритетность нематериального потребления и т. п. Например, осуществление общественных проектов типа полета на Марс или проведения Олимпиады ограничивает индивидуальное, повседневное потребление, но зато в долгосрочной перспективе служит не только мультипликатором роста экономики, но и решает общественные задачи, которые не могут сводиться к мерилу удовлетворения наиболее простых индивидуальных потребностей. Проблема в том, что изменение принципов потребления невозможно без сознательного общественного регулирования экономического поведения, связанного с запретом рекламы, жесткими ограничениями в сфере кредитного процента, переориентацией экономики с одноразовых на товары долгосрочного пользования и прочими мерами, прямо ущемляющими влиятельные интересы и выгоды ФПГ и производителей, по крайней мере, в краткосрочной перспективе.

Второй жесткий вариант альтернативы обществу потребления обусловлен влиянием внешних факторов, связанных с достижением естественных пределов роста населения, ресурсов, экономик, когда в глобальном плане все рынки будут перенасыщены дорожающими товарами, а возможности спроса упадут. В результате произойдет структурная переоценка всех имеющихся материальных ценностей.

Альтернативные обществу потребления проекты исходят из того, что реальный выход нужно искать в отказе от навязанных потребностей, который и приведет к появлению принципиально новых возможностей и альтернативных путей. Россия скорее проиграет, если будет думать только о себе и своей частной стратегии в глобальном обществе потребления. Но может выиграть, если будет менять мир, увлекая собственным альтернативным примером. Мы не можем знать, каким будет будущее, но мы можем знать, каким его нам хотелось бы видеть.

Первый шаг в будущее — это, во-первых, всегда интеллектуальный протест против настоящего и, во-вторых, моральное негодование, возникающие относительно статус-кво у тех, кто является носителем общественной морали будущего. Представляется, что перспективы нового поворота в общест-

венном развитии могут быть связаны с этическим поворотом общественной морали и формированием «общества аскезы» относительно фиктивных товаров. Формирование нового общества, как показывает история, осуществимо не через новые возможности, а наоборот — отказ от них. Ведь если цель составляет удовольствие от удовлетворения потребностей, то это общество рухнет именно тогда, когда потребности будут удовлетворены. Желаний не останется, потребности удовлетворятся, экономический рост остановится. Представляется, что принципиально новое общество создается через определенный вид аскезы: христианскую, протестантскую или социалистическую. Парадоксально, но отказ от «фиктивных товаров» и ряда сомнительных потребностей дает большую свободу, освобождает от фрустрации по поводу индивидуальной неудовлетворенности.

Ключевое правило опережающего роста потребностей никогда не сделает общество потребления обществом изобилия. Поэтому уровень развития общества, где у его членов отсутствует необходимость постоянно решать задачу удовлетворения первичных материальных потребностей, позволяет остановиться в бесконечной гонке материального потребления и обратиться к развитию иных потребностей, связанных не с трудом, а с творчеством, не с деньгами, а со стремлением к самореализации, познанию, славе, интеллектуальным заслугам перед обществом и иными нематериальными и внеэкономическими ценностями.

Например, в настоящее время, прежде всего, в постиндустриальных странах, миновавших «бум потребления», возрастают нематериальные, экономические доминанты общественной этики, связанные с пониманием того, что нынешнее общество необратимо разрушает среду своего обитания, причем быстрее, чем она восстанавливается. Поэтому такие все более дефицитные ресурсы и резервы, как кислород, вода, благоприятная среда обитания, топливо, будут в перспективе стоить все дороже, а значит, сохранять их надо начинать уже сейчас. Это переориентация с саморазрушительной логики потребления на долгосрочные интересы и выгоды общества самореализации. Наконец, критериями эффективности экономики чем дальше, тем больше станут не максимизация прибыли, а минимизация загрязнений и энергозатрат, долговечность товаров и замкнутый кругооборот производства: «при ориентации на максимум прибыли выгодность всегда совпадает с экономичностью (минимум затрат) и, как правило, противоречит эффективности (сопоставлению всей совокупности результатов со всей совокупностью объективно стоящих целей при использовании одного и того же количества ресурсов) ... Понятно, что страна может развиваться только в том случае, если создан хозяйственный механизм, при котором экономически невыгодно и этически опасно не быть порядочным человеком и при котором выгодность всегда совпадает с эффективностью, хотя временно может противоречить экономичности»³².

32 Эпштейн А. Деградостроительство // Политический журнал. 2007. № 21–22 от 23.07.2008.

Представляется, что в глобальной перспективе индикаторы благополучия общества все менее будут связаны с его абстрактной макростатистикой и возможностями потребления, экономического роста и расширения производства товаров. Прежде всего, будущие критерии развития все более будут коррелировать с учетом таких фундаментальных показателей, как продолжительность жизни, уровень образования, эффективность здравоохранения, экологическая безопасность, качество минимальных стандартов жизни, которые государство готово представить всем гражданам.

Наконец, кто же может быть российским субъектом, инициирующим указанные выше направления изменений классической модели общества потребления? Традиционным субъектом всех исторических российских модернизаций выступало государство, властные элиты. И такая закономерность является типичной не только для России. Проблема в том, что бег за ускользающей современностью является вынужденным, представляя обреченную на неудачу гонку за лидером. Более того, нынешние российские элиты вовсе не считают общество, его принципы и ценности нуждающимися в капитальных изменениях, несмотря на то, что необходимость подобных изменений возрастает. На все очевидные указания экспертов об ухудшении симптоматики «голландской болезни» и расширяющемся «ресурсном проклятии» даются риторические ответы о благотворном превращении страны в «сырьевую сверхдержаву» или «суверенную демократию». Хотя любая преуспевающая страна, а тем более сверхдержава, давно не может быть в современном мире сырьевой, а различные «демократии с прилагательными» лишь подсознательно указывают на проблемы с самой демократией, которая, по определению, не нуждается в уточнениях. Поэтому глобальные шансы появления альтернатив обществу потребления вряд ли будут связаны с Россией в ее нынешнем состоянии стагнации, полностью погруженной в модель гиперпотребления. К сожалению, наибольшие выгоды от этой модели получает не большинство населения, члены которого вынуждены играть роль зависимых потребителей, а цепочка транснациональных, федеральных, региональных и местных экономических монополий и олигополий, практически слитая с разными уровнями политической власти. Но когда-то, и, возможно, быстрее, чем предполагают население и элиты, России придется жестоко заплатить за эту стратегическую и потребительскую беспечность.